

– Мне 37.

Это я зеркалу. Вискам с залысынами, мешкам под глазами.

Мешки достались по наследству по женской линии со стороны отца. Из-за землистого оттенка похожи на слизней, и сверху веки нависают, как кожа у собак с длинными ушами.

– Каких? Собак?

Вспомнил. Бладхаунды.

Иногда такие лица бывают у актёров, которые играют мужиков со сложной судьбой. Не блокбастер или что-то заводное, а попытка-взять-оскар-номер-100500. Оскар, может, и дадут. Но нормальные люди в пятницу вечером смотреть не будут.

Моё лицо кажется мне иногда настолько чужим, что с ним можно разговаривать.

В смысле: не поймёт.

Но всё-таки с другими я такое не обсуждаю. Я сам не понимаю свой возраст, это стыдно. Жизнь уходит. В 37 надо бы знать, наконец, зачем. Не смысл жизни, просто: почему я живу вот так, почему так выбрал.

Кто выбрал?

– Я – Вадим.

Это опять для зеркала. Звуки имени ласкают. Родное, своё, с эхом из детства. Хотя на самом деле миллионы вадимов живут себе, ничего обо мне не зная. Считают моё имя своим.

– ...Ведущий специалист «Алкокола».

Сотрудник одного из самых известных предприятий мира.

Да ладно, известных. Столько брендов наплодили, люди знать не знают, что это – Алкокола.

А знают – так наплевать.

Ну хорошо.

– Девятое место в мире. По деньгам. По объёму доходов.

....Это уже что-то, конечно. Деньги – веский довод. Никаких комментариев больше, лицо как лицо. Даже чужим перестало казаться.

Бреюсь, провожу рукой по щеке. Всё на автомате. Иду завтракать, там семья и

овсянка. Яичница и сыр. Шоколадные шарики – на случай, если дети начнут выпендриваться.

Женя ушла, у неё йога.

Дочка на неё похожа. Сидит, жуёт, себе на уме. Тапает иногда по телефону – посмотреть время. Младший работает ложкой как экскаватор, у которого аренда по часам. По телевизору беззвучно едут танки странной формы. Какая-то новая техника для сегодняшнего парада. Напоминает модные формы экранов у девайсов, подходящие под движения пальцев и глаз. Дети моментально привыкают к любой форме – что танка, что девайса. Их таким уже не удивишь. И не заинтересуешь.

Сегодня моя очередь везти Мирослава в садик и Сашу в школу. Жена разбудила-усадила, а дальше сам. Мирославу, по-моему, вообще всё равно, мама или папа. Целует только маму. Старшая, Саша – хитрая, знает, что, если правильно подойти, меня уломать проще. Говорит: «Папочка». Я их обоих люблю, а жена говорит, что дочку больше. Когда Саша представляет меня друзьям, то мама «мультипликатор» и «это она сделала Бро». А про меня сказать нечего. Я не могу поправить, потому что слушаю всё это всегда из-за двери. Я не люблю к детям выходить. Вообще не люблю, когда гости. Работаю или делаю вид, что работаю. Закрываю дверь, чтоб не мешали. Ставлю перед собой стакан, наливаю. Но слышу.

Саша не заходит. Ей сложно было бы объяснить мою специфику. Это и взрослым сложно... Хорошо, не говорит, как в детстве: «Мой папа – дегустатор».

Меня почему-то больше всего бесит, когда с дегустатором путают. Это вообще другая профессия. Там надо пробовать и описывать, рецензии писать, болтать.

Копирайтер с рецепторами. Рецепторы ничем у меня не отличаются. Всё как у обычного человека, и нюх тоже. Некоторые наши нюх считают важным и говорят, что он всегда есть в профиле успешных кандидатов.

Враньё. Просто некоторые – они вообще всё считают важным, по-моему. Основная разница – в мозгах, в квалификации. Наша задача, как реципиентов – почувствовать опьянение, а не вкус. Наша задача, как экспертов – анализировать это ощущение, градуировать его максимально чётко.

– Я – русский.

Это не для зеркала. Я уже вытер младшему грязный подбородок и засунул его в комбинезон. Старшая оделась сама и ждёт, схватившись ладонями за лямки школьного рюкзака, когда я назначу яндекс-машине место старта. В основном я чувствую свою национальность, когда вспоминаю про профиль. Алкогола отдаёт предпочтение русским сотрудникам на моей должности. Очень много в корпоративной политике посвящено этому вопросу: прославление исторической связи русского и водки. Сувениры с маленькими прозрачными бутылочками и медведями. Телогрейки на моделях в бикини на корпоративных вечеринках, «Vodka style party». Далее в том же духе. Очень пошло, на мой взгляд. Бренд-менеджер продукта «Водкокола» называет это «самобытностью». Я не пойму другого. С тех пор, как придумали полную замену этилового спирта в алкогольных напитках, с тех пор, как Алкогола поставила это на промышленное производство, прошло уже достаточно времени. Каждый год я подписываю петиции за пересмотр ПДД в пользу самостоятельного управления автотранспортом.

В петиции речь идёт лишь про периоды, свободные от высокого трафика. Для моего района это два часа в день. Никакого движения этих петиций нет. До сих пор.

Таймер на телефоне мигает красным и пиликает. Мы выходим. Мы должны успеть сесть вовремя, чтобы не потерять баллы, накопленные за месяц. Машину всё равно встроит в маршрут общего движения «Без пробок», шансов опоздать нет. Но баллы сгорят. Мы никогда не теряем баллы.

Пристёгиваю младшего и сажусь за руль.

Старшая усаживается рядом со мной, на переднее сиденье, будто так надо. Двенадцать. Имеет право. Я закипаю

моментально. Внешне это не проявляется. Мысли уезжают за красными огнями машин в чёрном ноябре. Опять не успею увидеть рассвет ... Зато не опоздаю.

Может быть, поздняя осень и недостаток витамина D. Хуже, если побочка. У меня нет никаких сил больше докладывать о своем самочувствии. Я вру. Для того, чтобы врать там – я вру себе. Мне необходимо нормализовать давление и пульс, а не просто не думать об этом, и я обращаюсь мыслями от наглого двенадцатилетнего подростка в моей машине, покусившегося на моё последнее одиночество – к ней же, маленькой.

«Почему у нас всё наоборот. Я боюсь спать с темнотой, а Даша боится спать без мамы. А надо спать с темнотой и без мамы. Тогда мы будем настоящие взрослые» – глазища её снизу круглые. Маленькой говорила много. Если я садился есть, например, – тут же забиралась на колени и выдыхала свой детский воздух мне прямо в нос изо рта, пока рассказывала. Я только нюхал её, чувствовал тепло, почти не слушал. Она прерывалась и тянула к себе ложку, которой я ел: «А что там?» Пробовала. Слушала ответ. Отдавала ложку и сидела тихонько, застыв над этой кашей, как над книгой.

Младший, Мирослав, – троглодит. Пусти его на колени – будет есть, пока ложка не зазвенит о тарелку. Не отвлечётся. Способный, сразу видно.

А я боюсь, что у старшей рассеянность эта, вслушивающаяся задумчивость – в меня. Женя-то человек деловой. Хваткая. Хорошая то есть. Вообще, всё хорошо. Только я так думаю, и мы сворачиваем на боковую улицу. Вот, чего я и опасался. Будем ездить вокруг квартала, пока не придёт время встраиваться.

Иногда мне так хочется просто постоять. Хочется, чтобы были пробки, как раньше. Пусть. Что угодно, но не это бессмысленное нарезание кругов. Это не даёт мне сосредоточиться, не даёт думать. Несмотря на то, что машиной управляет робот, у меня мысленно нажимается тормоз и газ, вертится руль. Атавизмы мышления. Теоретически мы нужны на водительском кресле, как подстраховка. Вдруг робот не справится, переключит управление. На старте проекта, кажется, такое было. Теперь все с нетерпением ждут таких случаев. Некоторые любят приврать, что и с ними это было.

Врут.

В древности была поговорка: в России две беды – пьянство и дороги. Про дороги, очевидно, о том, что проблемой были люди на дорогах. Водили как хотели. Убивали себя и других.

Роботы так не водят. Хотя бы потому, что у них обзор 360 и не только видео, а ещё локаторы. ПДД они нарушить не способны. В них защиты механизмы избегания аварий из всего накопленного опыта, теоретически ПДД им нарушать можно, в крайних случаях. Но не нарушают. Это как с шахматами. Раньше и гроссмейстеры проигрывали в дебютных комбинациях, которые знает теперь каждый школьник. Вот. Написать комментарием к петиции. В шахматы играть не запретили, слава богу. Хотя компьютер давным-давно обыграл человека.

А водить нельзя. В Москве.

Попробуй переключить на себя управление. Сразу включится сирена, и на всех картах и радарх пометят красным: «опасность, человек за рулём». В этих машинах иногда я чувствую себя перевозимым грузом.

Побочка или дефицит витамина D? Скорость опьянения и его интенсивность различна у разных народов, зависит от пола, веса, роста. Даже от настроения. Когда я работал тестировщиком приложений, мне достаточно было придумать и запустить серию тестов на компьютере. Эмулировались разные операционные системы, браузеры, поведение пользователя.

Компания была большая, платили мало.

Алкоголь был ещё с этанолом. Я напивался. Даже напиваясь, думал о работе. О том, сможет ли пользователь использовать все возможности приложения. Где-то на момент концентрации этилового спирта в крови в размере 2,5%, по моим оценкам, то есть при переходе опьянения из степени среднего в тяжёлое, мысль о пользователе сбивалась с «может ли?» на «хочет ли?...»

Машина резко сворачивает в сторону, и мы оказываемся у садика. Я сижу какое-то время неподвижно, хотя запиликал датчик, отсчитывающий секунды выхода. Он будет пиликать, пока я не отстегну ремень, не выйду из машины. Я сижу. Всё ещё злюсь, оказывается. Мелкий уже пыхтит, отстёгиваясь. На нём тёплая курточка и

сделать это непросто. Он упорный. Успеваешь раньше меня.

В садике лица воспитателей встревожены – в них тоже отражаются данные датчика.

– Что-то случилось?

– Нет, всё в порядке.

– Идите, идите скорее. Мы сами тут.

Мирослав уже опять пыхтит, расстёгивая куртку. Не смотрит на меня. Я целую его в шапку и выхожу.

В машине жёлтым подсветились цифры на табло: «Опоздание 1 минута». Буква «О» из жёлтого слова и на губах дочери:

– Папа?!!

– Ну что?

Она переводит взгляд на панель. Хочет сказать что-то, молчит. Боится, что я опять задумаюсь и опоздание увеличится. Я завожу машину и смеюсь, закрыв рот. Звук получается, будто я подавился.

* * *

На работу можно было не спешить. Сегодня праздник. На входе всех встречает девушка в русском народном костюме. Некоторых целует и фотографируется. Я отказываюсь.

Праздник профессиональный. Корпоративный. В календаре у него международное название. А в нашей фирме называют пафосно: «День спасения России». Вручают медали, на полном серьёзе. В маленьких чёрных коробочках золотые кругляшки. Ещё дарят кубки и грамоты. Соревнований не проводят. Награды исключительно за выслугу лет.

Мне медальку вешает руководитель подразделения. Начальник моего начальника. Я улыбаюсь и киваю. Жму руку. Шеф трясёт мою двумя руками. Хлопает по плечу. Мне не по себе. Я улыбаюсь в лысое открытое лицо. Оно так близко, что кажется, зрение вырвало розовыми цветами, глаз начальника я не вижу.

После официального награждения был банкет в режиме «шведский стол». Каждый подошёл к столу с бумажной тарелочкой и ткнул вилкой в съедобное. Потом все убежали работать. У нас всегда так. Во-первых, есть чётко рассчитанная норма и рацион съеденного под сегодняшний напиток. Во-вторых, некогда.

По телеку в баре крутят речь президента. Я сажусь один за стойку и ставлю стакан под виски 33814. Скорее всего выпью не меньше 200 гр, но наливаю 156 гр, стартовую дозу.

Свет приглушён, как в настоящем баре, синие блики телека растекаются по стойке и мажут манжету рубашки, подсвечивая пуговку. Запястье от этого будто сдавливают сильнее, я встряхиваю рукой, как пианист перед концертом, но звуков от меня никаких, только мелко стукнул пуговкой о стойку, когда положил обратно руку.

Территория, обустроенная в виде баров и кафе, занимает приличную площадь в нашем здании. Лаундж зона. Естественные условия, чтобы бухать, считается. Однако, все предпочитают работать за обычными письменными столами в офисе, составленными длинными рядами.

Рабочий день длится, сколько пожелаешь. Сколько нужно. У большинства это десять часов. У новеньких двенадцать. Потом работают дома. Семейные, вроде меня, работают дома больше. Ещё командировки, отпуска. У нас никто по-настоящему не уходит в отпуск. Они пытаются, но именно в отпуске, наконец, наступают те самые естественные условия для работы.

Я не отвлекаюсь. Погружаюсь в своё съезжание, в тепло, в желание говорить – вот так, мысленно. В желание классифицировать происходящее. Желание зафиксировать диапазон, в котором хорошо. В желание добавить виски. В энергию.

Я фиксирую все ощущения на клавиатуре вводов. Вместо букв – кнопки ощущений, палитры. Обычные буквы тоже есть: если не находишь нужной кнопки, можно воспользоваться текстом. Некоторые старики так делают. Они называют палитры «смайлики».

Я надеюсь, что зафиксированные наблюдения никак не расходятся с датчиками на теле и голове, иначе полночи придётся искать ошибку. Руководство и разработчики считают, что достаточно честно выполнять свою работу, чтобы ошибок не было. Я догадываюсь, что это не совсем так. Система пристрастна. Мы чуть-чуть её обманываем, как всегда обманываем начальство и самых близких. Идеализируем происходящее. Идеализируем уже тем, что

обращаем его в знаки палитры, в слова. Тем, что начинаем хотеть того, что надо хотеть сейчас, в данную минуту, с нашим генетическим кодом.

Нельзя долго сидеть одному. Можно сидеть, но надо участвовать. Смотреть, слушать. Беру пульт и прибавляю громкость. Там всё ещё наш старенький президент. Говорит. Я чувствую к нему нежность. С удовольствием фиксирую это на клавиатуре. У президента мятые щёки и руки. Мягкие, как сморщенное яблочко. Ни следа напряжения – как, бывало, на исторических съёмках. Быть молодым тяжело. Раньше в России должность президента была выборной, и его переизбирали каждые шесть лет. Я помню эти времена и кажусь себе динозавром.

Президент говорит, тщательно прожёвывая слова:

«Регулярное употребление спиртосодержащих напитков, в дозах алкоголя превышающих эндогенный синтез, губительно сказывалось как на здоровье индивидуума в целом, так и в плане формирования алкогольной зависимости.

Вред спирта вынудил медиков искать решения. Я горжусь тем, что это решение было найдено именно в России! Мы сильнее других страдали от всеобщего недуга. Даже президенты умирали ...»

Мысль о смерти влезла плохо. Я морщусь, но нажимаю нужную кнопку, чтобы зафиксировать эту эмоцию. Теперь поздно пытаться не заметить. Мысль внутри.

Я знаю, что страх смерти иррационален. Особенно теперь, раз я знаю, когда я умру. Нечего бояться. Добавляя виски, вижу дрогнувшую руку. Доза. Добавляю ещё.

...Мне нечего бояться. Я замечаю эту мысль, и помечаю её, как свойства сорта виски. Скорее всего, его дефект. Я боюсь именно потому, что знаю дату своей смерти.

Предпочёл бы не знать. Когда в страховой компании молодой врач, учёный, выдавал мне персональный расчёт, он был счастлив. Улыбался даже его халат, усиливая свет белых ламп в кабинете. Он сказал, что в моём случае счёт идёт на часы. Доверительный интервал не превышает двух часов! Такая точность возможна именно благодаря распространённости моего генетического кода! Как прекрасно

иметь такой код! Очень хорошие коэффициенты. Алгоритмам машинного обучения доступны гига-а-антские базы данных для тренировки, и всё же неповторимости слишком много! Тут не только сам код, тут и переключатели, которые делают активным ту или иную его часть, и пренатальный и натальный период, и внешние условия, которые всё ещё унифицированы недостаточно. Но мой случай – он как для учебника! Вас там, в Алкоколе, клонируют, что ли? Красавцы.

...Я бы хотел, чтобы этого никогда не делали. Чтобы не говорили точно – когда. Странно представить такое: быть сотрудником Алкоколы, и не хотеть. Мало у кого есть возможность пройти процедуру бесплатно, за счёт компании. Люди выкладывают из собственного кармана, не все ещё могут себе позволить. Кому может прийти в голову – не хотеть? Кому придёт в голову жалеть своё «право» на тайну. От кого? Неужели от себя самого? И ведь если откажемся узнавать, какая страховая захочет с нами работать? Все сотрудники Алкоколы проходят тест. Таковы условия страховки. Отказаться – значит, остаться без страховки. Это как начать курить.

Я не хочу про это думать.

Я просто хотел бы не знать.

Теперь уже поздно, ничего не исправить.

Я не хочу умирать в мае.

Это будет не скоро. Но никаких шансов, что будет иначе. Я умру. Появится свежая зелень, а я буду лежать в больнице. Я её уже не увижу.

Окно будут открывать всё реже, боясь ускорить течение пневмонии. С постели будет видно, как окно блестит, когда солнце, как намокает во время дождя. Я не увижу зелёного – только белый.

Эта зелёная пыль на ветках – единственное время года, когда я живу по-настоящему. Чувствую жизнь. Кажется, ещё всё впереди. Мне не надо, чтобы было лето. Я только хочу знать, что оно наступит. Я люблю пятницу, потому что впереди выходные.

А выходные не люблю. Особенно воскресенья. Потому что этот день – последний.

Это нечестно, что однажды будет мой последний май. И после него не будет лета.

То есть лето будет, а я – нет.

Может быть, можно будет разглядеть с кровати кусок голубого неба перед смертью. Голубой – не белый. Голубой над головой – как полёт. Побег. Иногда я летаю во сне. Я буду весь в белом, и улечу во сне – в голубое.

Может быть, есть такая смерть? Красивая?

Смерть – это полный паралич. Всего. Сознания. Мира вокруг. Как это чувствуется?

Одно из последствий нашей работы, за которое дорого платит компания, строго-настрого запрещают разглашать. Неврология. Маленькие побочные эффекты. Не имеющие серьёзных последствий, как уверяют врачи. Врачи в нашей компании самые лучшие. И всё же Алкокола оплачивает дополнительное научное исследование по требованию страховых именно за эти «маленькие побочные эффекты». У меня эти эффекты средне выражены. Мелко пульсирует что-то на руке, на щеке, на лопатке. Как будто кто-то дёргает за нитку – нудно, долго. И нитки такие у меня по всему телу.

Я привык. Это ничего.

Плохо, когда немеет сильно. Когда стоишь и не знаешь – на своих ногах или нет. Когда посередине тела появляется линия, деля меня на полуживого и полумёртвого. Когда половина языка во рту превращается в камень и трётся шершаво о подсыхающую ткань щеки. Если я ем в такие моменты, то стараюсь не порезаться зубами. Ночью я, бывает, просыпаюсь оттого, что не чувствую. Странно, правда? Можно было бы просыпаться от боли, а не от её отсутствия.

Однажды я проснулся оттого, что у меня нет правой руки. Сейчас я держу стакан этой рукой и не думаю об этом, округлость стекла, его прохладность начинает мир вокруг, именно это означает – у меня есть рука. Той ночью у меня была только левая рука. Я трогал в темноте правую и знал, что там лежит предмет округлой формы, обтянутой тёплой кожей, и начинается он у моего плеча. Руки не было. Может быть, это был кошмар, потому что потом я заснул, а утром всё стало, как всегда.

Я подумал, что так, вероятно, ощущается настоящий паралич. Не когда не чувствуешь, а когда нет. Смерть, как полный паралич тела и головы.

На большее меня не хватает. Я должен радоваться, что умру старым. Но мне жаль, что детей – вот этих, сегодняшних, тёплых и маленьких, со мной в тот день не будет. Взрослые дяди и тётки, сами в преклонном возрасте, вряд ли будут иметь ко мне отношение.

Перед смертью, как в детстве перед сном, я должен увидеть маму.

Вот тут-то я отдёргиваю руку от стакана с виски, как ошпарившись.

Мама, смерть?! Хватит. Не попал ли в виски этиловый спирт? Не экспериментировали ли со старыми способами производства? Это несомненно брак. Возможно, диверсия. Затылок будто сморщивается и холодеет. Жму на красную кнопку. Долго, с усилием оторвав побелевший палец, отпускаю. Раздаётся характерный резкий звук. Сорт помечен черепом с костями, пиратским знаком. Предупреждающая чёрная линия по всему каталогу сорта. Я наливаю себе простой воды.

Экстренное совещание собрали в этот же день, вечером. Перед совещанием плотно ужинаю в нашей бесплатной и безлюдной столовой-ресторане. Большинство ещё не собралось. А мне очень хочется есть. Наконец есть время выбрать и прожевать как следует. От новых проб меня освободили. Ничем взамен не загрузив, хотя работа, конечно есть. Можно было бы разгребать старые ошибки, планировать правки для новых тестов... Но делать ничего не хотелось. Наступило такое странное состояние, которое бывает, когда болеешь, или когда праздник. Тем более, периодически кто-нибудь из наших подходил и спрашивал, как я. И я только смотрел в экран, гладил бегунок, переползал с экрана на экран. Читал сегодняшние новости о мероприятиях с участием президента. Какой-то идиот умудрился угнать танк. Настоящего оружия там нет. Все с нетерпением караулят в соцсетях прямую трансляции видео с этим парнем в танке. Я подозреваю, и полиция тоже, раз до сих пор не поймали. Я пытался себе представить, что сейчас творится в производстве – и не мог. Наверно, кому-то мылят голову. По рукам забегали мурашки, спина распрямилась сама собой. Конечно, мне жаль ребят. Напортачили.

Но не всё же валить на наш отдел. Эта вечная история, когда наши пытаются

вывести их на чистую воду, а они придумывают, как отмазаться, как свалить всё на нас. Неправильно готовились, неправильно пробовали, неправильно наливали... У меня тут все нормы и все показатели датчиков, всё идеально. Я зачем-то открыл опять отчёт на планшете, хотя меня просили его вообще не трогать – случай серьёзный, мастера будут смотреть. Заставил себя закрыть окно, убрать планшет. Положил себе красивую белую матерчатую салфетку по самой середине стола, специально взял с подносом. Выложил приборы, сок налил в фужер. Сегодня я взял жареное мясо. Редко себе позволяю – бесполезно и неприлично. Я и не думал об этом, просто шёл мимо открытого гриля. А там запах... Корочка с полосками решётки, я уже нажимаю на это место зубами. Сочное мягко греет желудок, и весь зал ресторана, всеми оттенками дерева, всем шорохом салфеток сворачивается клубком вокруг меня. Любо. Старое такое круглое слово. Любо. Я герой. Я смог. Я поймал брак и спас страну от беды. Представляю уже, как меня поздравляют: «Как это символично, что именно в этот день...»

...Не с первого раза слышу, что зовёт начальник. У него голос такой – не для залов. Без эха. Таким хорошо говорить как раз негромко, хочется сказать: подговаривать. Все его распоряжения бывают в неформальной форме, как будто бы: хочешь делай, хочешь нет. Попробовал бы кто не сделать. Я уже почти доел, возился с мясом ножом и вилкой, заворачивал последний кусочек в лист салата, чтобы было сочнее, со свежим хрустом, с аппетитом. Последний всегда самый вкусный.

Доесть не успел. Зато могу теперь рассказать кому-нибудь, что слышал, как Васильевич повысил голос. Сейчас не смешно совсем. Но потом, наверно, будет. Странно видеть его таким замороченным.

– Вавилов будет тебя слушать. Понял? Вот что. Главный в курсе. И придёт? Правда, что ли, там алкоголь был. Вавилов просто так не приходит. Не из-за меня же.

– Запросил твоё досье, между прочим. Интересовался. Хочет переговорить с тобой до заседания с глазу на глаз.

Я вдруг всем телом, всей кожей чувствую влажное прикосновение датчиков к коже. На затылке, на запястьях, посередине груди. Монеточки на висках, на

затылке. Чувствую, как впервые. Настолько мы к ним привыкли, сжились. Их же носишь, не снимая. Кольцо обручальное снимешь перед душем, а эти – ни-ни. Страховая скидку должна бы делать: здоровье тоже на постоянном контроле благодаря датчикам. И никакой личной информации, только реакции. Я сам не понимаю, почему нервничаю. Моё «досье», которое сейчас изучает главный, на самом деле и есть реакции, длинные столбики цифр. Несколько строк рекомендации, по одной на год. Их пишет Максим Васильевич. Были бы плохие – давно бы уволили. Они врут, что такие решения основаны на больших данных. Почему-то я в этом уверен.

Но когда поднимаюсь по лестнице до первого пролёта, я уже не уверен ни в чём. Просматриваю мысленно историю проб, думаю о медианах и максимумах, о модах и перцентилях – я только недавно смотрел срез за последний период, всё в порядке.

Мои пробы всегда считались одними из самых точных.

Не хвалюсь, но меня и проверяют обычно не больше раза. Чутье, логика или везение, но обычно я угадываю хорошо. Когда продукт выходит к потребителю, то это как будто один я, помноженный на сотни лиц.

Мы заходим в лифт, двери закрываются.

Нет, это не мы. Это я. Один. Васильевич остался внизу.

– Вадим, здравствуй!

На нашем этаже все парни ходят в спокойненьких рубашках или водолазках. В брюках, в джинсах тёмно-синих. Не то, что дресс-код, а принято. На других этажах есть те, которые выглядят, как отморозки, есть те, что в тренде. В других зданиях не знаю – не интересовался.

Главный ходит в светло-синих джинсах, белой обтягивающей футболке и ветровке цвета хаки. Дело не в цвете. Одежда эта... шуршит, что ли, по-другому? Оттенок, фактура, не поймёшь, только всегда кажется, что куплена эта одежда не у нас и вообще не в магазине. В остальном он обычный.

– Классно, что зашёл! Садись. Ты, наверно, в курсе, мы сейчас испытываем новую линейку продукта... И кабинет обычный, не очень большой даже. Широкие светлые жалюзи, дизайнерские кресла, стены, покрашенные в светлый тон, длинный, как палуба корабля, стол...

– Садись же.

И я сижу, как дурак, в глубоком узком кресле. Будто он засунул меня в карман, а сам прогуливается вдоль стола, шевелит на краю пальцами, заглядывает сверху вниз. Я не чувствую опасности, мне неудобно. Почти ничего не видно, кроме светлого тона стен, стекающего в синее обрамление у окна. А тон его простой, открытый.

– Ты знаешь, что мы с братом изучали твоё досье...

Ещё момент. Считается, что у правления они с братом. Но брата давно никто не видел. Не то, что вживую – ни по телеку, нигде. Обычно он, Антон говорит, что брат болен, или занят, или в другой части света. Что-нибудь. Антон в данный момент представляет мнение Владислава... и так далее. Все в фирме считают, что Антон решает всё сам. Но зачем-то нужны эти приличия.

Странно, что нужны сейчас. Наедине с сотрудником нижнего звена, когда никто больше не слушает. Я вдруг с ужасом понимаю, что сам не слушаю. Пропустил последнюю фразу, и он повторил её ещё раз отчетливо, улыбаясь. Я не то, чтобы не понимаю, но процесс сложения звуков в слова, извлечение смысла из фразы занял больше обычного. Я киваю, стараюсь чтобы было похоже: я всё слышал, просто думаю, как лучше ответить.

– Вадим, ты пробовал нашу продукцию до замены этилового спирта?

– Я... да. Конечно. Сейчас уже не помню, но иначе и быть не могло. Это был не алкоголь. Речь о том периоде, когда продукция фирмы была безалкогольной.

Антон смотрит на меня всё так же дружелюбно. Только уголки улыбки опустились чуть вниз. Я сам должен догадаться, что дальше. Ведь он уже долго говорил.

– Я хорошо помню вкус и действие напитков в сочетании с алкоголем.

Коктейли. Классика. Популярны коктейли? Речь об этом? Он говорил о новой линейке продукта, когда я отвлёкся.

– Они до сих пор запрещены законом. Да, конечно. Их запретили незадолго до Освобождения, до замены этилового спирта. Считалось, что сладкий вкус газировки легче приобщает детей к алкоголю. Но дети и без газировки к нему достаточно активно приобщались.

– Вспомни, что было раньше. До коктейлей и газировки... Ненавижу угадки. Вообще играть не люблю. Напрягаюсь. Гуляю глазами по

самому краю стола, он теперь почти на уровне шеи.

Пытаюсь воскресить мысленно чёрно-белые строчки вопросов и ответов шестилетней давности. Тест на знание истории компании. Сдаётся вновь прибывшими сразу после прохождения испытательного срока. Я имею способность быстро забывать ненужную мне информацию немедленно после использования. Чёрно-белые строчки слипаются в узкие полоски, когда я пытаюсь ухватить хотя бы слово. Ускользают, расползаются, как колорадские жуки ... Да. Жуки. Родители использовали продукты компании для борьбы с колорадским жуком. Это было безопаснее других инсектицидов. Пробую наугад.

– Вы про опыты создания компанией алкогольной продукции в древности?

Оказалось, что я почти попал.

– Ты помнишь, что обозначает «кока»?

Теперь точно попал, но не знаю, во что вляпался. Этого не было в вопросах по истории компании. Но все знают. Куст Коки, содержащий кокаин. Орех Колы, богатый кофеином. Кокаин и кофе. Весёлые были времена.

Потом часть наркотиков по всему миру запретили, а часть продавали легально. Заставляли продавцов вешать этикетки «Осторожно, яд!», чтобы снять ненужные вопросы. Потребители, как и колорадские жуки, вряд ли читали надписи.

...Компания пережила период, когда пришлось клеить на бутылки огромные этикетки с гниющими зубами и желудком, раздувшимися сердцами гипертоников и слепых, задушенных жиром диабетиков. Но все эти новые правила продажи и ужесточение требований в области питания были не худшим. Далее последовал страшный конец знаменитой сети закусок, вместе со всем, похожим на бутерброды и приставку «быстро». Сладкая шипучая радость, не смотря на окончательную замену сахара во всех изделиях, оказалась под угрозой просто в силу близкой исторической связи с потонувшим гигантом.

Но они умели изворачиваться. Компания везения. Ещё не понимая, что делают, они развернули массовую борьбу против алкоголя. Просто чтобы переключить внимание, отодвинуть от себя негативный шум. Поднятая волна пошла хорошо, очень хорошо. Потом чересчур. Превратилась в цунами, выродилась в панику, в массовую истерику. От этого

жертвы – цели – потребители алкоголя стали спиваться в три раза быстрее, мир раскололся на резкое «против» и не менее резкое «за», причем к «за» примкнули все независимые, все оппозиции, все объединения чёрта у стула, все художники и люди от искусства, которые не хотели прослыть ретроградами. И все подростки. Где протест – там подростки.

И мегацунами. Паника родителей. Назревала революция, а компания теряла клиентов.

Дальше всё известно.

– Кока – означает кокаин.

– Неправильно.

– Неправильно?

– Кока означает куст Коки. Растения. Листья. Кокаин – это только один из алкалоидов, получаемый искусственным путём. Запрещён во всём мире. Остальные алкалоиды, содержащиеся в листе Коки, не запрещены. Так?

– Нет конечно.

Их не запрещали. Они всегда оставались частью напитка. Антон кивает головой несколько раз, потом ещё несколько раз – больше, чем нужно. Продолжает улыбаться, но что-то изменилось в его улыбке. Кажется, она стала насмешливой.

Прошёл не один день и не два. Прошла вечность. И, как доказательство, из чёрного, холодного и влажного неба на землю полетел первый снег. Он ложится на крышу машины, и, не успевая заблестеть, пропадает, даже не тает – а будто что-то мешает на лице. Я пытаюсь то ли разжать зубы, то ли сморгнуть, мышцы лица напряжены, дёргает сразу две нитки, но это ничего. Это все лишь две нитки. Дело не в этом. Хочется расхохотаться, но, кажется, будет истерика. Я решаю этого не делать, просто сажусь в машину. Она тотчас оживает: «Маршрут построен». Это она без меня решила. В это время пробок нет. Соответственно, никакого движения «Без пробок».

– Нет.

– Я не понимаю. Маршрут построен. Перепроложить?

– Перепроложи.

– Пункт назначения «Дом»: отмена.

Назовите новый пункт назначения.

– Давай на набережную куда-нибудь.

– Я не понимаю.

– На набережную. К реке или к озеру.

– Найдены следующие сочетания со словом «Набережная» в Москве:

Набережная улица

Пресненская набережная
Краснопресненская набережная
Фрунзенская набережная
Москворецкая набережная
Бережковская набережная..

– Давай поближе к дому что-нибудь.

– Долгопрудная набережная.

– Да, давай туда.

– Маршрут построен.

– Отлично.

– Вадим, у Вас сегодня необычный голос.

– Что ты говоришь.

– У Вас необычный голос. Вы чем-то взволнованы?

– Маршрут построен там?

– Маршрут построен.

– Вот и давай, в темпе.

Вероятнее всего, меня уволят. Не знаю, как к этому отнестись. Меня душит хохот, грозит прорваться наружу, но я его держу. Всеми виной ещё может быть эта дикая проба, а не совещание. Как теперь разобрать.

«Распущенность» – он сказал. Тот, плешивенький. «Ни в коем случае не имею в виду Вас, Вадим, конечно же». Далее было долго, очень долго, про технологию производства и технологию тестирования. Не знаю, почему меня вообще всё это позвали слушать. Они очень старались друг другу не грубить и не портить себе карму в ONA¹. Интересно, учитывают ли сейчас кадровики в своих расчётах социального капитала, что все до одного притворяются? Я прям вижу, как у них внутри калькуляторы работают: сколько кому он слов сказал и каким тоном. Ну конечно. Все и всё работают прекрасно. Самое главное, что, очевидно, руководство само очень хочет проташить именно этот продукт. Поэтому брака просто не может быть. Это сразу поняли все, кроме меня. А я вляпался. Оказался крайним. Самое плохое, что я нажал эту кнопку. Теперь этого не отменить. «Присутствует некое пренебрежение к наработкам коллег» – да, я его пробовал не первым. Такое уже бывало. Обычно я даже не смотрю, потому что моя версия выигрывала. Всегда. Я знаю, что и в этот раз я не ошибся.

Я пытался им это доказать. Дурак. Хуже нет. «Речь идёт о наркотическом веществе» – а ведь главный меня специально позвал.

Предупредил. Рассказал какую-то старую историю, когда ввели пробы. Я впервые узнал, что успел пострадать его брат. Что он до сих пор не оправился. «Вот почему ваша работа так важна», – сказал он, глядя мне прямо в глаза. Но он продолжал улыбаться той, другой, плохой улыбкой. Почему я не думал об этом?

«Дело идёт о качестве продукта», – нам так долго вдалбливали это в головы, что я повторял, не думая, и верил в то, что я говорю.

Всё из-за этих медалек, «за спасение России», какой пафос. Лучше бы давали шоколадные.

Они уволят меня. В лучшем случае за нарушение коммуникации. В худшем – по здоровью.

Машина поворачивает и едет по краю набережной. Темно совсем, фонарь вырывает из темноты кованную решётку вдоль пешеходной зоны. В круге фонаря видно, как летит снег. Мягкой такой, бесконечной моросью. Вода чернеет до горизонта, потому что льда ещё нет. И справа, из деревьев, с выключенными фарами вылетает автомобиль, метаясь в водительскую дверь. Срабатывает оповещение, загорается руль, я замечаю это уже когда выворачиваю направо до упора. Успеваю заметить, что это не машина. Это броневик необычной формы. Тот самый танк, который угнали днём. Он уходит под воду.

– Управление передано человеку.

Управление передано человеку. Внимание, управление передано человеку. Я открываю дверцу и выхожу, и засовываю руки в карманы.

Кажется, танк ободрал дверцу. Конечно, система не смогла опознать его из-за необычной формы. Из-за деревьев. Система не сработала. Нештатная ситуация всё-таки случилась. Я как будто впервые её вижу. Классический Nissan LEAF небесно-голубого цвета, сгустившегося в темноте до тёплого василькового. Машина стоит под немислимым углом к воде. Я сажусь в неё, разворачиваюсь и вылетаю на дорогу. В машине свежо от запаха снега и весело. На приборной панели видно, что машина помечена красным на всех навигаторах Москвы.

¹ ONA - Организационно-сетевой анализ (кадровый), современный подход в анализе успешности деятельности сотрудников с точки зрения коммуникаций между ними.